

## АНАЛИЗ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ О СОБЫТИЯХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 1363-1365 гг.

Борьба за нижегородское княжение, происходившая в 1363-1365 гг. между родными братьями, князьями Дмитрием и Борисом Константиновичами, традиционно привлекает внимание историков и краеведов. Особое значение этой междоусобице суздальских Рюриковичей придает активное участие в ней московского великого князя Дмитрия Ивановича, впоследствии прозванного «Донским». Фактический правитель при юном в то время Дмитрие Московском митрополит Алексей, наряду с традиционными дипломатическими и военными средствами давления на противника, князя Бориса Константиновича, применил – редчайший случай на Руси! – даже интердикт, использовав свои полномочия главы Русской православной церкви. Накал противостояния, разрешившегося в пользу Москвы и ее союзника князя Дмитрия Константиновича, позволяет рассматривать локальные, казалось бы, события 1363-1365 гг. как один из начальных этапов собирания русских земель вокруг Москвы.

Единственный сохранившийся источник, рассказывающий о междоусобице 1363-1365 гг. – древнерусские летописи. Однако их текст не содержит пространного повествования, ограничиваясь лишь скухими известиями об интересующих нас событиях. Сообщения летописных сводов XV-XVI вв. (Новгородской IV, Софийской I, Никоновской летописей) и восходящих к ним памятников послужили основой для реконструкции хроники борьбы за нижегородский «стол». Судя по этим сообщениям, в 1365 г., после смерти нижегородского князя Андрея Константиновича (самого старшего из четырех сыновей великого князя нижегородского и суздальского Константина Васильевича), княжение в Нижнем Новгороде захватил его младший брат Борис (третий сын Константина). Суздальский князь Дмитрий Константинович (второй сын Константина), будучи старше Бориса и претендуя на нижегородский «стол», попытался войти в Нижний Новгород, но безуспешно. Тогда для переговоров к Борису великий князь московский Дмитрий Иванович, союзник Дмитрия Константиновича, направил игумена Сергия Радонежского, который, не сумев убедить Бориса уступить старшему брату, применил интердикт. В итоге Москве пришлось все же прибегнуть к «демонстрации силы»: поход Дмитрия Константиновича с союзным московским войском вынудил Бориса начать переговоры и уступить старшему брату Нижний Новгород, получив от него Городец. Именно так, опираясь на указанные выше источники, излагали события историки и краеведы XIX-начала XX вв.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. Т.V, гл.1. СПб., 1997. С.8; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.3, гл.7 // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. С.259; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 2.

Введение в научный оборот Рогожского летописца – весьма раннего памятника XV в.<sup>2</sup> - заставило внести коррективы в представления ученых о «нижегородском противостоянии». Прежде всего, Рогожский летописец подробнее, нежели известные ранее летописи, излагает ход борьбы и датирует ее 1363-1365 гг. При этом хроника событий здесь предстает иной: занятие Борисом Константиновичем нижегородского «стола» происходит в 1363 г., еще при жизни старшего брата, князя Андрея (умершего в 1365 г.); попытка переговоров с Борисом была предпринята Москвой также в 1363 г., а не в 1365 г.; послы были направлены не от великого князя Дмитрия Ивановича, а от митрополита Алексия. Но самое главное: для переговоров в Нижний, по сообщению Рогожского летописца, был направлен не игумен Сергей, а совершенно иные лица – архимандрит Павел и игумен Герасим; Сергей Радонежский в этих летописных статьях не упомянут вообще<sup>3</sup>. И получается, что если принять версию Рогожского летописца, то придется пересматривать утверждения об участии Сергия Радонежского в нижегородских событиях 1365 г., широко распространенные в краеведческой и церковной литературе<sup>4</sup>.

Ученые, изучающие этот вопрос в настоящее время, по-разному отнеслись к возникшей дилемме: одни склонны доверять Рогожскому летописцу, другие – Новгородской IV и Софийской I летописям (их общий источник в науке принято называть «Новгородско-Софийский свод»), третьи пытаются «примирить» обе версии, предложив некое «сводное» изложение событий. Так, крупнейший современный специалист по истории средневековой Руси В.А.Кучкин принял за основу версию Рогожского летописца и пришел к следующим выводам: 1) апокрисиарии митрополита архимандрит Павел и игумен Герасим прибыли в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу в 1363 г. и применили интердикт (правомочность митрополита автор обосновывает тем, что Нижний Новгород и Городец вплоть до 1374 г. входили в митрополичий диоцез и находились под

Лекция XXXIV // Ключевский В.О. Сочинения. Т.II. М., 1957. С.249 (краткое упоминание, в связи с Сергием Радонежским); Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч.1 (Очерк истории). Н.Новгород, 1857. С.20-21.

<sup>2</sup> Рукопись – историко-канонический сборник – надежно датируется серединой XV в. или даже 1440-ми гг. Составление летописного свода, который она содержит, специалисты относят к началу XV в. («свод 1408 г.»), а протограф этого свода – к концу XIV в. См.: 1) Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2, часть 2. Л., 1989. С.22-23 (автор статьи – Я.С.Лурье); 2) Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV века. М., 1998. Рогожский летописец опубликован: ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Пгр., 1922.

<sup>3</sup> ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.74-75.

<sup>4</sup> Храмцовский Н.И., указ.соч.; Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков. Горький, 1939. С.90. Из новейших церковных авторов см.: Горин Алексей, протоиерей. Посещение преподобным Сергием Радонежским Нижнего Новгорода и история Копосовской Троице-Сергиевой церкви. (<http://lavra.tv/news/700-let/?id=22702>). Заметим в скобках: полный перечень титулов автора занимает здесь 12 строк, в их числе – кандидат философских наук.

непосредственной юрисдикцией митрополита Алексия, а не суздальского епископа); 2) появление имени игумена Сергия в известии 1365 г. «Новгородско-Софийского свода» или его протографа («свода Фотия») - результат редактирования известия 1363 г. протографа Рогожского летописца, так что нет оснований предполагать деятельность Сергия Радонежского в Нижнем Новгороде в ходе усобицы 1363-1365 гг.<sup>5</sup>

Н.С.Борисов принял обе версии (Рогожского летописца и «Новгородско-Софийского свода») и попытался их объединить. Его выводы таковы: 1) апокрисиарии митрополита архимандрит Павел и игумен Герасим прибыли в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу в 1363 г. и применили интердикт; 2) появление имени игумена Сергия в известии 1365 г. «Новгородско-Софийского свода» - результат редактирования известия 1363 г. протографа Рогожского летописца; 3) в 1365 г. состоялось второе посольство в Нижний Новгород – игумена Сергия (но без интердикта).<sup>6</sup> Б.М.Клосс, напротив, считал, что в Нижний Новгород из Москвы для переговоров к князю Борису Константиновичу была направлена лишь одна миссия - в 1363 г., и в ее составе, наряду с архимандритом Павлом и игуменом Герасимом, был Сергей Радонежский; эта миссия тогда же применила интердикт. Перенос в «своде Фотия» известия об этом событии с 1363 г. на 1365 г. и оставление только имени Сергия – результат редактирования протографа Рогожского летописца<sup>7</sup>.

Рассмотрев имеющиеся в научной литературе точки зрения на «нижегородское противостояние», К.А.Аверьянов предложил иную версию событий: 1) князь Борис Константинович занял нижегородский стол не в 1363 г., а в 1364 г., после пострижения в монахи старшего брата Андрея (со ссылкой на уникальное известие Никоновской и хронологию Симеоновской летописей); 2) тогда же, в конце 1364 г., состоялась миссия архимандрита Павла и игумена Герасима, с интердиктом; 3) в 1365 г. игумен Сергей находился в Нижнем Новгороде с особой миссией для организации управления епархией (после смерти суздальского епископа Алексия) и для

---

<sup>5</sup> Кучкин В.А. 1) Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С.65-66 и прим.196 на с.67; 2) Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сборник статей. М., 1990. С.103-126 (интересующий нас фрагмент – на с.119-120); 3) Сергей Радонежский // Вопросы истории. М., 1992. № 10. С.75-92 (интересующему нас вопросу посвящено прим. 27 на с.91). Показательно, что в двух из трех указанных работ «нижегородский» сюжет приводится в примечаниях: видимо, решение вопроса представлялось В.А.Кучкину совершенно очевидным и не требовавшим развернутой аргументации.

<sup>6</sup> Борисов Н.С. 1) Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986. С.82-83; 2) Сергей Радонежский. М., 2002. С.109.

<sup>7</sup> Клосс Б.М. Избранные труды. Т.1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

укрепления союзных отношений Москвы с нижегородскими князьями посредством династических браков<sup>8</sup>.

При таком разбросе выводов и суждений представляется необходимым тщательное изучение всех сохранившихся летописных известий о княжеской междоусобице в Нижнем Новгороде. Текстологический анализ сообщений летописей о событиях 1363-1365 гг., предпринятый нами в данной статье, позволит, во-первых, проверить достоверность соответствующих годовых статей (и, следовательно, самого источника), во-вторых, решить вопрос о соотношении летописных текстов о посольстве в Нижний Новгород: является ли текст о посольстве Сергия искажением более раннего текста о послах митрополита Алексия, или это два разных, никак не связанных между собою текста, восходящие к разным источникам и, следовательно, имеющие одинаковые права на признание в качестве достоверных. Текстологический анализ представляется тем более необходимым, что никаких других источников, кроме летописных, о «нижегородском противостоянии» попросту не существует.

Летописные сообщения, относящиеся к теме нашей работы, анализируются с использованием методических приемов, выработанных акад. А. А. Шахматовым и Петербургской текстологической школой акад. Д. С. Лихачева. При изучении отдельных известий или годовых статей обязательно учитывается литературная история летописей (сводов), в состав которых входят эти известия или статьи. Сравнительно-текстологический анализ каждого известия по разным летописным памятникам показывает взаимоотношения всех вариантов его текста. При этом выявляются варианты текста, исходные для групп списков (протографы), определяется первоначальный вариант текста (архетип), прослеживаются изменения текста известия в последующих сводах, что дает возможность показать недостоверность позднейших дополнений и искажений. Содержание архетипного текста, упомянутые в нем исторические и географические реалии служат основой для определения достоверности летописного известия и его происхождения. С этой же целью анализируется текстологическое окружение («конвой») известия в составе летописной статьи, достоверность и происхождение «конвоирующих» известий, что дает дополнительный материал для выводов о достоверности и происхождения интересующего нас сообщения. Такая методика исследования позволяет вместо некритического пересказа бессистемно подобранных летописных текстов дать научную реконструкцию исторических событий, основанную на достоверных свидетельствах авторитетных источников. Все это обусловило историко-филологический характер нашей работы – внимание к историческим, стилистическим, лексико-грамматическим особенностям изучаемых источников.

---

<sup>8</sup> Аверьянов К. А. Миссия Сергия Радонежского в Нижний Новгород в 1365 г. // Мининские чтения. Материалы научной конференции 2004 г. Н. Новгород, 2005. С. 138-149.

Прежде всего, обратимся к анализу соответствующих годовых статей Рогожского летописца. Этот памятник, как показано исследователями, представляет собой тверскую (или, точнее, кашинскую) переработку нач. XV в. московского летописного свода кон. XIV-нач. XV вв. («Свод 1408 г.»)<sup>9</sup>. О событиях 1363 г. сообщает статья под 6871 г., содержащая 15 известий<sup>10</sup>:

1. Столкновение князей Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского за великое княжение Владимирское (с осадой Суздаля), и ее последствия для ростовского и галицкого князей. *Время: «лето».*
2. Знамение на солнце. *Время: «лето».*
3. Пожар в Нижнем Новгороде «двожды на одной неделе». *Время: «лето».*
4. Неудачная попытка князя Дмитрия Суздальского (с матерью княгиней Еленой и суздальским епископом Алексием) провести переговоры с братом Борисом о нижегородском столе и возвращение Дмитрия в Суздаль. *Время: «лето».*
5. Князь Борис Константинович начинает оборонительные работы в Нижнем Новгороде («заложит град сыпати»). *Время: «осень».*
6. Приезд в Нижний Новгород к князю Борису архимандрита Павла и игумена Герасима от митрополита; отказ Бориса ехать в Москву; интердикт; отправка Борисом своих бояр в Москву и их поимка суздальским князем Василием Дмитриевичем. *Время: «осень».*
7. Посольство Ордена в Новгород Великий и неудачные переговоры с псковичами о свободе проезда купцов. *Время: «лето».*
8. Роспись Богородицкой церкви на Волотове. *Время: «лето».*
9. Посольство Новгорода Великого в Юрьев, достижение договоренности между Орденом и Псковом о свободе проезда купцов. *Время: «лето».*
10. Митрополит Алексей поставил Алексея епископом Суздальским и уехал в Литву; туда же уехала княгиня Анастасия. *Время: «лето».*
11. Митрополит Алексей вернулся из Литвы и поставил Парфения епископом Брянским. *Время: «лето».*
12. Междоусобица тверских князей. *Время: «лето».*
13. Нападения литовцев на тверское пограничье. *Время: «лето».*
14. Поход литовского князя Ольгерда на «Синю воду» и «Белобережье». *Время: «осень».*
15. Смерть князя Василия Васильевича в Кашине и чудо истечения мира из креста на князя Андрея Константиновича в церкви Нижнего Новгорода во время обедни, которую служил владыка. *Время: «осень».*

В последнем известии грамматически соединены (союзом «а») два сообщения, причем первое из них – явно тверское (кашинское). Поэтому есть основания считать тверским и второе, присоединенное к нему сообщение о князе Андрее, и это не удивительно: Андрей был женат на дочери тверского

<sup>9</sup> Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV века. М., 1998. С.77, 84-85, 90-91, 108, 134.

<sup>10</sup> См.: ПСРЛ. Т. XV. Ч. 1. Пгр., 1922. Стб. 74-76.

боярина<sup>11</sup>, и доказательства благочестия супругов наверняка были небезразличны тверскому летописцу. В целом, судя по содержанию, годовая статья обнаруживает пять «слоев»: известия №№ 1-2 – московского происхождения, №№ 3-6 – нижегородского происхождения, №№ 7-9 – новгородского происхождения, №№ 10-11 восходят к митрополичьему летописанию, наконец, блок известий №№ 12-15 – тверского происхождения.

Из нижегородских известий №№ 3, 5, 6 уникальны и встречаются только в тексте Рогожского летописца; в них читается сообщение локального значения (известие № 3), что позволяет с уверенностью предполагать местное летописание и, следовательно, достоверность сообщаемых фактов. Примечательно, что связанные по содержанию №№ 5 и 6 (а также два тверских известия №№ 14, 15) имеют уточняющее указание на время действия – «осень», тогда как все остальные известия годовой статьи не имеют сколько-нибудь выраженной хронологической привязки и обозначены «того же лета». Эти уточнения также можно рассматривать как признак осведомленности летописца и свидетельство их достоверности<sup>12</sup>.

Текст интересующего нас известия о посольстве в Нижний Новгород (шестое в годовой статье) звучит так: «Тое же осени приехаша в Новьгород Нижний от митрополита Алексея архимандрит Павел да игумен Герасим, зовучи князя Бориса на Москву, он же не поеха, они же церкви затвориша, он

<sup>11</sup> О его жене Василисе (в монашестве Феодора) см.: ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С.125-126 («рода славна, велика, от отца, именуемаго Ивана Киасовьскаго»); ПСРЛ. Т. XV. Ч.1, стб.132-133.

<sup>12</sup> К.А.Аверьянов пытается поставить под сомнение достоверность сообщения Рогожского летописца на том основании, что здесь упоминание Алексия в качестве действующего суздальского епископа (известие № 4) предшествует сообщению о его поставлении на кафедру (известие № 10). По этому поводу К.А.Аверьянов замечает в адрес В.А.Кучкина: «...Исследователь не учел того, что за интересующие нас 1363-1365 гг. Рогожский летописец содержит явные повторы и неточности» (Аверьянов К.А. Миссия Сергия Радонежского в Нижний Новгород..., с.141-142). При этом К.А.Аверьянов игнорирует общеизвестную особенность летописных текстов: сводный характер годовых статей неизбежно приводит к появлению повторов (так называемые «дублирующие известия»), хронологическим «перестановкам» и текстологическим «швам». Между тем, статья Рогожского летописца под 6871 г. именно сводная, как показано нами выше, причем «слои», восходящие к разным источникам, выделить несложно. И нет ничего удивительного в том, что, помещая впереди блок известий «нижегородских», а затем два «митрополичьих» известия, сводчик невольно нарушает последовательность событий. Если же принять логику К.А.Аверьянова и ожидать от Рогожского летописца неукоснительного соблюдения хронологической последовательности, пришлось бы отрицать сводный характер памятника – очевидный для всех, когда-либо знакомившихся с этой летописью. В целом же попытка К.А.Аверьянова поставить под сомнение достоверность рассматриваемых известий Рогожского летописца из-за дублирующих известий и происходивших вследствие этого хронологических смещений в разных «слоях» не выдерживает критики.

же посла бояр своих на Москву. И наеха на них князь Василей Дмитриевич в ночь и овых изнима, а Василей Олексичь утече на Москву и тамо урядися»<sup>13</sup>.

Содержание и языковые особенности приведенного фрагмента не обнаруживают каких-либо анахронизмов или следов позднейшего редактирования, что заставляло бы усомниться в достоверности самого известия. Напротив, детальность изложения, с именами действующих (и не всегда главных) лиц, знакомых и интересных лишь современникам событий, – характерный признак подлинности и достоверности сообщения.

К сожалению, известия Рогожского летописца, относящиеся к судьбе нижегородского княжеского стола в 1363-1365 гг., не удастся проверить родственными по происхождению летописными памятниками. Как известно, специалисты возводят Рогожский летописец, наряду с Троицкой летописью (список предположительно начала XV в.) и Симеоновской летописью (список XVI в.) к летописному своду конца XIV-начала XV вв., предположительно, московского происхождения. Однако Симеоновская летопись<sup>14</sup> не содержит сообщения о московском посольстве в Нижний Новгород и интердикте. Как раз в статьях, описывающих события 1363-1365 гг., памятник обнаруживает отчетливый сбой в изложении. Статья под 6871 г. содержит только одно известие о столкновении князей Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского за великое княжение Владимирское. Статья под 6872 г. содержит два известия, почти наверняка московского происхождения: 1) об эпидемии в Нижнем Новгороде, Москве и Переяславле; 2) о столкновении князей Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского за великое княжение Владимирское, текстуально весьма близкое к известию 6871 г. А далее следует еще одна годовая статья под 6872 г. с двумя известиями. Здесь (в 6872-II) вновь описывается эпидемию в Нижнем Новгороде, Москве и Переяславле (текстуально близко к 6872-I-1), а также союз Дмитрия Московского с Дмитрием Суздальским, их совместный поход на Нижний Новгород, завершившийся поражением Бориса Константиновича<sup>15</sup>. Вновь приходится констатировать московское происхождение обоих известий, так что, судя по всему, сводчик Симеоновской летописи не располагал нижегородскими источниками за эти годы. В любом случае, в Симеоновской здесь налицо текстологический «шов» и, как следствие, хронологический сбой<sup>16</sup>.

<sup>13</sup> ПСРЛ. Т.XV. Ч.1. Пгр., 1922. Стб.74-75.

<sup>14</sup> Опубликовано: ПСРЛ. Т.XVIII. СПб., 1913. О памятнике см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с.56-57 (автор статьи Я.С.Лурье).

<sup>15</sup> ПСРЛ. Т.XVIII, с.102-104.

<sup>16</sup> По этой причине абсолютно некорректной выглядит попытка К.А.Аверьянова использовать Симеоновскую летопись для датировки событий «нижегородского противостояния»: «Очевидно (? – Б.П.), правильную хронологию (?! – Б.П.) этих событий содержит Симеоновская летопись: согласно ей, окончательно вопрос о нижегородском

Трудно сказать, какой текст читался в статьях под 6871-6873 гг. в Троицкой летописи, погибшей в 1812 г. Примечательно, что М.Д.Приселков в своей научной реконструкции текста Троицкой опирающийся обычно на текст Симеоновской при отсутствии выписок Н.М.Карамзина, здесь не рискнул это делать и восстанавливал текст по Рогожскому летописцу<sup>17</sup>. В итоге Троицкую и Симеоновскую летописи нельзя использовать для источниковедческой проверки известий о нижегородской усобице 1363-1365 гг. и московском посольстве в эти годы.

Принципиально по-иному излагают события летописи Новгородская IV и Софийская I, возводимые к так называемому «Новгородско-Софийскому своду», датируемому 1448 г. или 1430-ми гг., или даже к еще более ранним гипотетическим летописным сводам 1423 г., 1418 г. или так называемому «своду митрополита Фотия»<sup>18</sup>. Как бы то ни было, этот протографический свод уступает в древности протографу Рогожского летописца, а сами известные ныне списки Новгородской IV и Софийской I летописей моложе, чем Рогожский список.

В списках «новгородско-софийской» группы все события нижегородской усобицы приведены в одной годовой статье и приурочены к 1365 (6873) г. Последовательность событий здесь отличается от приведенной в Рогожском летописце: сначала сообщается о смерти князя Андрея Константиновича, затем о попытке Дмитрия Суздальского занять нижегородский стол и противодействии его брата Бориса; далее, после ряда известий, не относящихся к Нижнему, следует отсутствующее в Рогожском сообщении о вокняжении Бориса в Нижнем при помощи ордынских послов (следовательно, по ярлыку); затем сказано, что митрополит Алексей отнял «епископию Новгородскую» (то есть, в данном случае, Нижегородскую; о Новгороде Великом говорилось бы: «архиепископию») у владыки Алексея (то есть, несомненно, суздальского). Затем читается интересующее нас известие о после из Москвы в Нижний Новгород. Приводим текст по Новгородской IV: «В лето 6873. (...) Преставися князь Ондрей Костянтинович в Нижнем Новегороди июня 2. И брат его Дмитрие приеха на княжение в Новьгород в Нижнии, и не сступиися ему княжения брат его младшеи Борис. (...) Тои же зимы прииде посол изь-рды от царя Баирал-Хозя, а от царицы Осан, и посадиша на княжение в Новегороде Нижнем князя Бориса Костянтиновича. А митрофолит Алексеи отня епископию

---

столу разрешился к концу 1364 г.» (Аверьянов К.А. Миссия Сергия Радонежского в Нижний Новгород..., с.142).

<sup>17</sup> Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л., 1950. С.377 (прим.4), 379. О памятнике см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с.64-67 (автор статьи Я.С.Лурье).

<sup>18</sup> Летописи опубликованы: ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. М., 2000 (Новгородская IV); ПСРЛ. Т.VI. Вып.1. М., 2000 (Софийская I). О памятниках см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с.51-52, 57-60 (автор статей Я.С.Лурье). См. также: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.



Новгородскую от владыки Алексея; а тогда прииде посол от князя Дмитрия Ивановича, игумен Сергии, зовущи князя Бориса на Москву, он же не поеха, они же церкви затвориша. И князь Дмитрие Московский дал свою рать князю Дмитрею Костянтиновичю; и поиде на Новгород, и сrete его князь Борис и доби ему челом, и Дмитрие дал брату своему Городецъ, а сам седе на великом княжении в Новгороде, а воа роспусти к Москве»<sup>19</sup>.

Для сравнения приведем известие о посольстве по Софийской I летописи: «В лето 6873. (...) И тогда прииде посол от великаго князя Дмитрия Ивановича игумен Сергии, зовучи князя Бориса Костянтиновича на Москву, он же не поеха, игумен же Сергии затвори церкви»<sup>20</sup>. Аналогии с текстом Новгородской IV очевидны и пояснений не требуют.

Но не является ли появляющаяся в Новгородской IV и отсутствующая в Софийской I глагольная форма множественного числа «затвориша» (аорист, изъявительное наклонение) применительно к сообщению об одном человеке (в данном случае Сергии Радонежском) случайной, единичной опиской одного писца конкретной рукописи? Против такого утверждения свидетельствует наличие именно этой глагольной формы в пяти списках Новгородской IV, использованных при издании памятника<sup>21</sup>. Следовательно, речь должна идти не о единичной ошибке (описке) случайного списка, а об особенностях протографического текста Новгородской IV, лежащего в основе всей «новгородско-софийской» версии известия о посольстве в Нижний Новгород.

В этой же связи интересно посмотреть, как читается фрагмент о московском посольстве в Новгородской Карамзинской летописи – весьма раннем (конца XV-начала XVI вв.) и загадочном списке, о происхождении которого существуют диаметрально противоположные суждения специалистов. По мнению одних (Я.С.Лурье), Новгородская Карамзинская – это две выборки из предшествовавших ей Новгородской IV и Софийской I летописей; другие (Г.М.Прохоров, А.Г.Бобров) видят в этих выборках заготовки для будущих Новгородской IV и Софийской I летописей<sup>22</sup>. Как бы то ни было, текст интересующего нас сообщения о посольстве помещен в составе второй выборки и обнаруживает несомненную близость к тексту Новгородской IV: «В лето 6873. (...) И тогда прииде посол от князя Дмитрия

<sup>19</sup> ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. М., 2000. С.291-292.

<sup>20</sup> ПСРЛ. Т.VI. Вып.1. М., 2000. Стб.436.

<sup>21</sup> ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. М., 2000. С.292; в шестом списке – Новороссийском кон.XV в., текст которого не всегда исправен, в данном фрагменте читается совсем уж абсурдное: «не поиха, они же в церкви затворишася»; седьмой список – Толстовский – представляет собой отрывок Новгородской IV летописи за 1382-1418 гг. См.: Там же, с.XXX-XXXI, с.292, прим.8.

<sup>22</sup> Опубликована: ПСРЛ. Т.42. СПб., 2002. О памятнике см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с.54-55 (автор статьи Я.С.Лурье; здесь же приведена отсылка к работе Г.М.Прохорова). См. также: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Ивановича игумен Сергии, зовуще князя Бориса на Москву, он же не поеха. Они же церкви затвориша» (и т.д.)<sup>23</sup>.

Указанные особенности содержания и текста годовых статей, характерные для Новгородской IV, Софийской I и Новгородской Карамзинской летописей, сохраняются и в последующих сводах, восходящих к протографу «новгородско-софийской» группы, как его ни определять («свод 1448 г.», «свод 1430-х гг.», «свод 1418 г.» или иначе).

Схоже с «новгородско-софийской» версией излагает версию событий княжеской усобицы в Нижнем Новгороде Московский великокняжеский летописный свод конца XV в.<sup>24</sup>, что позволяет говорить о наличии у соответствующих известий общего протографа. Вместе с тем, составитель Московского свода конца XV в. обнаруживает знакомство с более ранним московским же сводом кон.XIV-начала XV в. (вероятно, через ряд промежуточных сводов)<sup>25</sup>. Под 6871 (1363) г. в своде конца XV в. чуть подробнее, чем в Новгородской IV, сообщается о столкновении князей Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского из-за великого княжения Владимирского. Под 6872 (1364) г. помещено известие о смерти епископа Алексея Суздальского, которого нет в летописях «новгородско-софийской» группы. Нижегородские события «в лето 6873» начинаются сообщением о смерти князя Андрея Константиновича 2 июня, но при этом указывается место его захоронения – Спасо-Преображенский собор в Нижнем Новгороде. Такое уточнение сближает Московский свод кон.XV в. с текстом Рогожского летописца, но есть существенное отличие: добавлено слово «тамо» («и тамо бысть положен в церкви великого Спаса»), которого нет в Рогожском. Видимо, нижегородский источник сообщения лучше отразился в Рогожском; для московского великокняжеского сводчика собор в Нижнем, естественно, был «тамо» - за пределами Москвы.

Источником сообщения Московского великокняжеского свода о посольстве Сергия явно была летопись «новгородско-софийской» группы. Сходство текста с соответствующим фрагментом Софийской I летописи не вызывает сомнений: «Князь великы Дмитрей Иванович посла в Новьгород Нижней ко князю Борису Костянтиновичю игумена Сергея, зовучи его на Москву к себе, да смирит его с братом его со князем Дмитреем, он же не

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т.42. СПб., 2002. С.132-133.

<sup>24</sup> Опубликован: ПСРЛ. Т.ХХV. М., 1949. О своде и его протографе – московском великокняжеском своде 1479 г. см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с.32-34 (автор статей Я.С.Лурье).

<sup>25</sup> Наблюдение на локальном материале известий о «нижегородском противостоянии» подтверждает выводы Я.С.Лурье (указ.соч., с.32) о том, что первая часть московского великокняжеского свода (до 1418 г.) «отражает в наиболее полном виде особую обработку свода 1448 г. (источника летописи Софийской I)», причем «текст свода 1448 г. был здесь пополнен на всем протяжении по общерусской летописи, близкой летописям Лаврентьевской и Троицкой».

поеде, игумен же Сергей затвори церкви в Новгороде»<sup>26</sup> (характерны, например, глагольные формы «зовучи», «затвори»). При этом составитель свода 1479 г. следует Софийской I в исправлении очевидной ошибки в числе глагола (единственное число «затвори церкви» вместо множественного числа «церкви затвориша»), а также добавил объяснение намерений Дмитрия Ивановича по отношению к вызываемому в Москву Борису («да смирит его с братом его со князем Дмитреем»). Ход военного противостояния Дмитрия и Бориса Константиновичей передан в своде 1479 г. подробнее, с деталями, представлявшими интерес для москвичей: например, указано место встречи Бориса с московско-суздальским объединенным войском («на Бережце»). Но и здесь текстуальные совпадения с «новгородско-софийской» версией отчетливо заметны: «князь же великы Дмитриеи Иванович дасть рать свою князю Дмитрею Костянтиновичю, и поиде на Новгород, (...) и ту срете и брат его князь Борис и доби ему челом», и т.д.<sup>27</sup>

Наиболее существенное отличие версии Московского свода от «новгородско-софийской» – отсутствие сообщения об изъятии «епископии Новгородской» (то есть Нижнего Новгорода и Городца) из-под юрисдикции суздальского епископа. Этого фрагмента наверняка не было в предшествующем московском своде-протографе кон.XIV-нач.XV вв., о чем свидетельствует отсутствие такого сообщения в тексте Рогожского летописца. Поэтому сводчик кон.XV в. не стал переписывать известие из своего основного источника – летописи «новгородско-софийской» группы (типа Софийской I). Не исключено, что в процессе сведения и редактирования летописных статей составитель свода 1479 г. усомнился в достоверности этого сообщения. Действительно, сообщение недостоверно: Новгород Нижний и Городец с их округой с момента основания и вплоть до 1374 г. были частью митрополичьего диоцеза<sup>28</sup>. Знание этого обстоятельства

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. XXV. М., 1949. С. 183.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Городец («Городец на Волге», основан во второй половине 1160-х гг., первое упоминание – 1171 г.) и Нижний Новгород («Новгород на устье Оки», основан в 1221 г.) с самого момента основания входили в домен великого князя владимирского; в церковном отношении они подчинялись епископу владимирскому. (См. подробнее: Пудалов Б.М. 1) Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII - первая треть XIII в.). Н.Новгород, 2003; 2) Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Н.Новгород, 2004). Изменения владельческого статуса этого региона в кон.XIII в. и в XIV в. не привели к изменению их церковного подчинения владимирскому владыке, ставшему митрополитом «Киевским и всея Руси». В источниках нет никаких сколько-нибудь достоверных свидетельств о передаче Нижнего Новгорода и Городца под церковную юрисдикцию епископа суздальского, вплоть до четкого и недвусмысленного указания летописей о постановке Дионисия Печерского в 1374 г. епископом Суздаля, Новгороду Нижнему и Городцу.

Замечание Л.М.Каптерева об учреждении здесь епископии князем Андреем Константиновичем (см. Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков..., с.89: «Не вмешиваясь в жестокую борьбу двух Димитриев, Андрей Константинович спокойно сидел в Н.Новгороде, сооружал здесь новые церкви, учредил в своей столице епископию»)

московским великокняжеским сводчиком, широко привлекавшим митрополичье летописание, могло стать причиной внесенной правки.

Целесообразно также посмотреть сообщение о «нижегородском противостоянии» в Никоновской летописи – крупнейшем памятнике русского летописания XVI в., ставшем основой последующего общерусского летописания. Специалисты, изучавшие Никоновскую летопись, называют в числе ее основных источников Московский великокняжеский свод кон. XV в. (опосредованно, через летопись Иоасафовскую), а также более ранний московский свод нач. XV в. (источник Троицкой и Симеоновской летописей)<sup>29</sup>. Известие о междоусобице братьев Константиновичей и о посольстве в Нижний Новгород читается в Никоновской под 6873 г. в составе большой общей статьи. Здесь сначала сообщается о смерти нижегородского князя Андрея Константиновича, но без точной даты. Далее текст известия совпадает в основном с версией Московского великокняжеского свода конца XV в., но сохраняющий сообщение об изъятии Нижнего Новгорода и Городца из церковной юрисдикции суздальского епископа (из летописи «новгородско-софийской» группы): «Того же лета Алексей митрополит отня епископию Новгородскую и Городецкую от владыки Суздальского Алексеа. В то же время от великого князя Дмитрея Ивановича прииде с Москвы посол преподобный Сергей игумен Радонежский в Новъгород в Нижний ко князю Борису Константиновичю, зовя его на Москву; он же не послуша и на Москву не поиде; преподобный же Сергии игумен по митрополичю слову Алексееву и великаго князя Дмитрея Ивановича церкви вся затвори». (и т.д., о походе на Бориса и примирении братьев)<sup>30</sup>.

Интересно, что текст рассматриваемого известия в Никоновской летописи сверялся с аналогичным не только по летописи «новгородско-софийской» группы<sup>31</sup>, но и по более раннему московскому своду, видимо, кон. XIV-нач. XV вв. – источнику летописей «троицкой» группы. На последнее обстоятельство указывает совпадение с известием Рогожского летописца о попытке прихода в Нижний для переговоров Дмитрия Константиновича с матерью Еленой и владыкой Алексеем. Но в Рогожском оно помещено под 6871 г., а в Никоновской включено в состав большой общей статьи под 6873 г. Таким образом, локальный материал годовой статьи

не подтверждено источниками и не соответствует действительности. По сути, это обычный вымысел публициста-краеведа.

<sup>29</sup> Никоновская летопись опубликована: ПСРЛ. Т. IX-XIV. М., 1965. О памятнике, его датировке 1520-ми гг. и источниках см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с. 49-50 (автор статьи Б.М.Клосс).

<sup>30</sup> ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 4-5.

<sup>31</sup> В качестве возможного источника Б.М.Клосс называет Новгородскую Хронографическую летопись, представляющую собой, по мнению Я.С.Лурье, особую редакцию Новгородской IV летописи. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси..., с. 49, 55-56.

о борьбе за нижегородский «стол» Дмитрия и Бориса Константиновичей подтверждает выводы ученых об источниках Никоновской летописи<sup>32</sup>.

В итоге рассмотрения известий о «нижегородском противостоянии», сохранившихся в различных летописных сводах, получается, что фактически существует только две версии событий. Первая версия, хронологически более ранняя (не позднее начала XV в.), представлена в Рогожском летописце и относит события к 1363-1365 гг. Вторая, чуть более поздняя (вероятно, 1420-х гг. или несколько позже) отразилась в летописи Новгородской IV и относит события к 1365 г. Все последующие рассмотренные нами своды так или иначе восходят, прямо или опосредованно, ко второй версии, с теми или иными незначительными изменениями и несущественными дополнениями. Возникает необходимость решить вопрос, как соотносятся две версии между собой: независимы ли они друг от друга или, напротив, одна является переделкой другой. Ответить на этот вопрос помогает лексико-грамматический анализ сообщения о посольстве в Нижний Новгород обеих версий.

Рогожский летописец (ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.75)	Новгородская IV летопись (ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. С.292)
«Тое же осени приехаша в Новьгород Нижнии от митрополита Алексея архимандрит Павел да игумен Герасим, <u>зовучи князя Бориса на Москву, он же не поеха, они же церкви затвориша</u> , он же посла бояр своих на Москву.	А тогда прииде посол от князя Дмитрия Ивановича, игумен Сергии, <u>зовуци князя Бориса на Москву, он же не поеха, они же церкви затвориша</u> .

Нетрудно заметить совпадающие фрагменты текста (в таблице они подчеркнуты), так что текстуальная связь известия Новгородской IV о посольстве под 6873 г. с аналогичным известием Рогожского под 6871 г. не вызывает сомнений. Очень характерны идентичные лексические элементы и грамматические формы: «зовучи», «не поеха», «затвориша». То же самое

<sup>32</sup> Неясен лишь источник уникального известия Никоновской летописи под 6872 г. о монашеском постриге нижегородского князя Андрея Константиновича (ПСРЛ. Т.IX, с.3). Маловероятно, чтобы это был московский свод кон.XIV-нач.XV вв., потому что этого известия нет в восходящих к нему летописях «троицкой» группы. Возможно, это уникальное известие восходит к митрополичьему летописанию или какому-то иному церковному источнику. Нельзя исключать и тверской источник, учитывая возможный интерес местных сводчиков к зятю видного тверского боярина, однако сохранившиеся до настоящего времени летописи тверского происхождения не содержат данного упоминания. Никоновская сообщает о постриге старшего Константиновича без точной даты, с пометой «того же лета», поэтому нижегородский источник в данном случае сомнителен. Как бы то ни было, известие о принятии Андреем монашества в 1364 г., через год после начала «нижегородского противостояния» и за год до смерти, не содержит заметных признаков правки или искажения и выглядит вполне достоверно.

наблюдается и в других фрагментах рассматриваемых известий – например, в сообщении о походе московско-суздальского войска и о капитуляции Бориса.

Рогожский летописец (ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.78)	Новгородская IV летопись (ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. С.292)	Московский свод кон.XV в. (ПСРЛ. Т.XXV. С.183)
<p>«<u>Князь же великийи Дмитрии Иванович</u> послы своя посылал между их о том деле и вдасть силу старейшему на меншаго брата, князь же <u>Дмитрей Костянтиновичь</u> еще к тому в своей отчине в Суждали събрав воя многы, в силе тяжце <u>поиде ратию к Новугороду к Нижнему</u> и егда доиде до Бережца <u>и ту сrete его брат молодший князь Борис</u> с бояры своими, кланяся и покоряся и прося мира, а княжения ся съступая. Князь же <u>Дмитрей Костянтиновичь</u>, не оставя слова брата своего, взяша мир между собою и поделишася княжением <u>Новгородским и воя распустиша</u>, а иную силу назад увернуша, <u>а сам седе на княжении в Новегороде в Нижнем</u>, а князю <u>Борису брату своему</u> вдасть <u>Городец</u>».</p>	<p>И <u>князь Дмитрии Московьский</u> дал свою <u>рать князю Дмитрею Костянтиновичю</u>; и <u>поиде на Новгород и сrete его князь Борис</u> и доби ему челом, и <u>Дмитрии дал брату своему Городец</u>, а сам <u>седе на великом княжении в Новегороде</u>, а <u>воа распусти</u> к Москве.</p>	<p><u>Князь же великийи Дмитрии Иванович</u> <u>дасть рать свою</u> князю <u>Дмитрею Костянтиновичю</u>, и поиде на Новьгород на брата своего князя <u>Бориса</u>. Дошедшу же ему <u>Бережца</u>, <u>и ту сrete и брат его князь Борис</u> и доби ему челом. Князь же <u>Дмитрей Костянтиновичь</u> седе в <u>Новегороде</u>, а <u>брату князю Борису</u> <u>дасть Городец</u>, а <u>воя распусти</u>.</p>

В процитированных фрагментах тоже есть характерное тождество грамматических конструкций (преимущественно на уровне синтаксиса) и

даже прямые лексические совпадения, например: «ту сrete его брат Борис», «воя распустиша», «брату дать Городец»<sup>33</sup>.

Совершенно очевидно: если бы известия происходили из разных, не связанных между собою источников, то вместо одинаковых, совпадающих лексем, грамматических форм и синтаксических конструкций логично было бы ожидать в Новгородской IV летописи другие слова и обороты речи, хотя бы и синонимичные по значению словам известия Рогожского летописца (например, что-нибудь вроде «позва князя Бориса», а тот «отказа и к Дмитрию на Москву не поиде», «молитву в церквах запрети по всему граду» или что-то подобное). Этого, однако, не происходит: полное, подчас буквальное совпадение элементов текста известий не позволяет предполагать наличие у составителя Новгородской IV летописи в данном случае источника, отличающегося от протографа Рогожского летописца. Вывод: обе версии событий взаимосвязаны.

Но тогда правомерен вопрос: какая из версий событий первична – «рогожская» или «новгородско-софийская»? Решая этот вопрос, В.А.Кучкин справедливо обратил внимание на употребление множественного числа в рассказе о посольстве Сергия Радонежского: «...Сохранившаяся в Н[овгородской] IV фраза «они же церкви затвориша» показывает, что в источнике С[офийской] I и Н[овгородской] IV читалось о двух послах, а не об одном Сергии. Поэтому последовательность событий приходится восстанавливать по тексту Рогожского летописца»<sup>34</sup>. Соответствующее известие летописей «новгородско-софийской» группы и восходящих к ней памятников следует признать неудачной переработкой (искажением) известия, отразившегося в Рогожском летописце.

Таким образом, источниковедческий и текстологический анализ летописных статей о «нижегородском противостоянии» по сохранившимся сводам XV-XVI вв. приводит к выводу, что научная реконструкция событий, происходивших в Нижегородском великом княжестве в 1363-1365 гг., должна проводиться на основе Рогожского летописца. Само противостояние

<sup>33</sup> В сравниваемых текстах есть и различия, легко объясняемые происхождением летописей. Так, своды московского происхождения последовательно именуют Дмитрия Ивановича «великим князем», тогда как в Новгородской IV он назван просто «князь Дмитрий Московский». Вообще, текст о военном противостоянии в последней заметно сокращен, потому что новгородского редактора события в Низовской земле интересовали лишь постольку, поскольку они могли иметь последствия для «Господина Великого Новгорода».

<sup>34</sup> Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой..., с.68, прим.196. См. также Кучкин В.А. Сергей Радонежский..., с.91, прим.27: «Грамматически несообразно в своде 1423 г. [этот свод В.А.Кучкин считает источником Новгородской IV и Софийской I летописей. – Б.П.] о Сергии сказано, что «они же церкви затвориша». Происхождение нелепицы разъясняется записью Рогожского летописца под 1363 г. (...) Ясно, что в своде 1423 г. было переработано известие 1363 г. источника Рогожского летописца, а имя Сергия является в статье 1365 г. позднейшей вставкой».

братьев Дмитрия и Бориса Константиновичей было довольно продолжительным: начавшись в 1363 г., то есть еще при жизни старшего брата Андрея, оно завершилось лишь в 1365 г. При этом посольство из Москвы в Нижний Новгород для принуждения Бориса Константиновича к миру было отправлено в 1363 г. митрополитом Алексием: это были митрополичьи апокрисиарии архимандрит Павел и игумен Герасим. Из летописей «новгородско-софийской» группы для реконструкции событий допустимо использовать лишь один дополнительный факт: посадение на княжение Бориса в Нижнем послами из Орды («от царя Баирал-Хозя, а от царицы Осан»), то есть по ярлыку. Еще один дополнительный факт допустимо использовать из Никоновской летописи: монашеский постриг князя Андрея Константиновича в 1364 г., то есть через год после начала усобицы, но за год до смерти<sup>35</sup>. Однако сообщение летописей «новгородско-софийской» группы и последующих памятников о миссии Сергия Радонежского в Нижний Новгород приходится признать ошибочным вследствие искажения первоисточника, так что использовать это сообщение при изучении истории региона нельзя.

Хотя объяснение причин появления имени Сергия в известии о посольстве в Нижний Новгород не входит в задачи данной работы, на наш взгляд, заслуживает внимания наблюдение В.А.Кучкина о стремлении составителя «свода 1423 г. – свода митрополита Фотия» (так ученый определяет протограф летописей «новгородско-софийской» группы) возвеличить роль преподобного и подчеркнуть его заслуги. Именно поэтому «отделенный шестью десятилетиями от нижегородских событий начала 60-х годов XIV в. сводчик 1423 г. приписал активное участие в них троицкому игумену вопреки более древним известиям»<sup>36</sup>.

Что же касается оппонентов В.А.Кучкина, то их версии не выдерживают проверки источниками. Версия Н.С.Борисова, некритично объединяющая показания двух летописных известий – достоверного и недостоверного, – возникла вообще без предварительного источниковедческого анализа. Неуклюже выглядит попытка Б.М.Клосса предположить пребывание Сергия Радонежского (наряду с Павлом и Герасимом) в составе посольства от митрополита Алексия и тем самым «примирить» исторический факт с церковным преданием. Теоретически в составе посольства мог быть кто угодно, даже Сергей, однако между «мог быть» и «действительно был» лежит пропасть – та самая пропасть, которая отделяет историческую науку (науку точную!) от сочинений и домыслов. Так что «третий лишний».

---

<sup>35</sup> О причине принятия Андреем монашества за год до смерти можно лишь догадываться, но летописные источники однозначно свидетельствуют о глубокой религиозности старшего Константиновича и его жены Василисы, впоследствии также принявшей постриг); детей у супругов не было.

<sup>36</sup> Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы..., с.120.



И совсем уж фантазийна версия К.А.Аверьянова об «особой миссии» Сергия по превращению суздальских Рюриковичей в союзников Москвы уже после поражения Бориса (которое он датирует 1364 г., вопреки источникам). Не преодолев выводы В.А.Кучкина, К.А.Аверьянов «отдал» Нижний Новгород и Городец – часть митрополичьего диоцеза – под власть суздальского епископа<sup>37</sup>. Затем на это не подкрепленное никакими серьезными доказательствами утверждение исследователь обильно «нанизал» собственные вымыслы<sup>38</sup>. Впрочем, фантазийность построений в целом очень характерна для сочинений К.А.Аверьянова<sup>39</sup>.

---

<sup>37</sup> Трудно понять, как автор умудрился не углядеть хронологических ошибок Симеоновской летописи – ошибок, которые были ясны и понятны еще М.Д.Приселкову более полувека назад! Но старательно их не «заметив», К.А.Аверьянов ничтоже сумняшеся укорил В.А.Кучкина в предпочтении Рогожского летописца Симеоновской летописи. Еще интереснее К.А.Аверьянов поступает с «Поучением жителям нижегородских и городецких пределов»: изначально «отдав» Нижний и Городец суздальской кафедре и столкнувшись с тем, что митрополит призывает нижегородцев и городчан поминать на молитве себя, автор глубокомысленно замечает: «Такое требование могло быть высказано только после смерти суздальского владыки Алексея...» – и далее датирует «Поучение» 1365 г., додумав походя, что текст его был отправлен в Нижний с Сергием Радонежским (см.: Аверьянов К.А. Миссия Сергия Радонежского в Нижний Новгород..., с.144 и прим.26 на с.148). Однако в столь хитроумных построениях нет никакой нужды: митрополит Алексей, в полном соответствии с церковной практикой, отправил «Послание» нижегородцам и городчанам, потому что это была его паства – на территории митрополичьего диоцеза. Ошибочность исходного тезиса приводит к крушению всей замысловатой конструкции. Сергей Радонежский тут уж и вовсе ни при чем, да и предложенная В.А.Кучкиным «привязка» «Поучения» к событиям междоусобицы Константиновичей – всего лишь гипотеза.

<sup>38</sup> Типичные примеры: «необходимость устройства церковных дел» в качестве «главной церковной причины для визита троицкого настоятеля» (там же, с.143), «поиск кандидатуры из местного духовенства на пост представителя митрополита» и выбор Сергием Дионисия Печерского (там же, с.144), утверждение, что Дионисий до 1374 г. уже реально управлял суздальской епархией (там же). А чего стоят пассажи типа: «Для сохранения своей первенствующей роли Василий Васильевич [Вельяминов. – Б.П.] разработал хитроумную комбинацию» (там же, с.145); «...Поручить деликатный вопрос о сватовстве дочерей князя Дмитрия Константиновича можно было лишь доверенному человеку. В этом плане кандидатура Сергия Радонежского была весьма удачной» (там же). Или отождествление Георгиевской пустыни на р.Клязьме, якобы основанной Сергием Радонежским (что, вообще говоря, требует более веских доказательств, чем монастырское предание) с местонахождением летописного Бережца: «Именно в этих местах помирились Дмитрий и Борис Константиновичи в 1364 г.» (там же, с.146). Вот уж воистину: с такой бы фантазией да романы писать!

<sup>39</sup> Именно таково понимание этим автором «куплей Ивана Калиты» как княжеских уделов, даваемого русским князьями за своими дочерьми в качестве приданого (калыма?), и его же толкование понятия «тьма» как мелкой административно-территориальной единицы... Излишне говорить, что ничего подобного в источниках нет и быть не может. Поэтому разбирать все утверждения К.А.Аверьянова означало бы обречь себя на написание труда, по объему во много раз превосходящего его собственные статьи.

Тем более нецелесообразен разбор указанной выше статьи протоиерея А.Горина, видимо, не знакомого даже с азами источниковедения. Выводы ученых, основанные на

На наш взгляд, нуждается в дополнительном изучении невнятное упоминание Рогожского летописца в процитированном известии под 6873 г.: «Князь же великий Дмитрие Иванович послы своя посылал между их о том деле и вдасть силу старейшему на меньшого брата...». Из текста неясно, что это за «послы», когда точно, куда и к кому они были посланы. Строго говоря, Дмитрий мог направить послов не в Нижний к Борису, а в Суздаль к Дмитрию Константиновичу, тем более, что дальше речь идет о предоставлении последнему военной силы. Тогда становится понятно, почему Рогожский летописец так скупо сообщает об этом посольстве: нижегородец, достаточно подробно рассказывающий о распри Константиновичей, мог не знать детали переговоров, например, в Суздале. В любом случае, в этом слишком кратком сообщении не упомянуты ни Сергей Радонежский, ни интердикт. Для доказательства, что это был все же троицкий игумен – духовник великого князя московского, а не великокняжеские бояре для договоренности об условиях использования московских полков, требуются не досужие домыслы, а достоверные свидетельства источников. Увы, вероятность обнаружения таких источников при нынешней изученности летописных сборников XV-XVI вв. исчезающее мала.

---

глубоком анализе русских средневековых письменных источников, А.Горин критикует с помощью принимаемых на веру церковных преданий. Интересно, объясняли ли когда-нибудь этому кандидату философских наук «и протчая, и протчая, и протчая», что наука и религия – далеко не одно и то же (а «умножение» титулов - гордыня и грех)?